Испытание небом

Ночные полеты – венец выучки летчиков

Михаил БЕЗБОРОДОВ

Родился в Оренбургской области, в селе Максимовка. Служил в Советской Армии с 1959 по 1962 год. Будучи радистом первой линии ПВО, участвовал в обнаружении самолета-шпиона с пилотом Пауэрсом. С 1962 года живет в Магнитогорске. Закончил индустриальный техникум, член литобъединения «Магнит».

НОЧЬ. Звенящий гул турбин с высоты южного неба, где звезды-бриллианты, подвешенные на невидимых нитях, льют на землю фосфорично-сказочный свет. И все земное: ангары, древний холм Джар-Курган, вращающиеся антенны радаров, остроносые силуэты истребителей-перехватчиков – обретает фантастические очертания. Но страж звездного неба – ломоть дыни Луна – сбросила чадру перистых облаков, кочующих в неведомой дали-выси, вернула в реальную действительность. Ветер-афганец вздохнул, и барханы, окружающие аэродром, облегченно запели песню пустыни: близился рассвет, и пустыня готовилась встретить его приход. Готовились и люди в военной форме: там, в недрах кургана, – командный пункт корпуса ПВО. Ворсистые дорожки скрадывали торопливые шаги офицеров, лишь дневной свет электрических плафонов подчеркивал бессонную желтизну лиц: операторов, радистов – с матовой освещенностью автоматического планшета воздушного пространства южных границ. Стрелки целей расходились, перекрещивались, одни самолеты взмывали в небо, другие натруженно-устало касались бетонной тверди аэродрома. Летчики, откинув фонари кабин, первым же движением рук распахивали молнии высотных костюмов. Прощай, небо! Но волны качали тело, и земля уходила из-под ног, как палуба корабля, и небесная усталость давила, наваливалась на плечи, отдаляя все земное.

– Ночные полеты – венец выучки летчиков, – отметил командир авиаполка полковник Воеводин. – Но есть замечание, и оно из ряда вон выходящее, – многозначительно помолчал и окинул летчиков испытующим взглядом. – Кто в районе Пянджа в 4.00 преодолел звуковой барьер? Оператор, чья машина была в указанном квадрате? Номер цели? Высота?....

– Судя по хронометражу, записям маршрута автопланшета, цель была № 7. Высота 2500 метров. Летчик – старший лейтенант Малышев, – пояснил дежурный по КП капитан Макаров.

– Садитесь.

– Старший лейтенант, вы уже в этом звании сколько летаете?

– Три года, товарищ полковник, – натужно отозвался из второго ряда крепыш-летчик, нервно теребя в руках летный шлем.

– Видимо, тебе еще придется с годик полетать в этом звании! – полковник остановился и с гневом бросил: – Пойми, это ведь приграничная зона! И если афганцы этого не заметят по причине отсутствия радиотехнических средств, занимаясь ловлей рыбы на своих фелюгах, то американцы в Пешаваре контролируют каждый наш воздушный шаг, особенно после провала Пауэрса... Всем ночным летчикам – отдых по полной программе, а майору Хвостову – остаться.

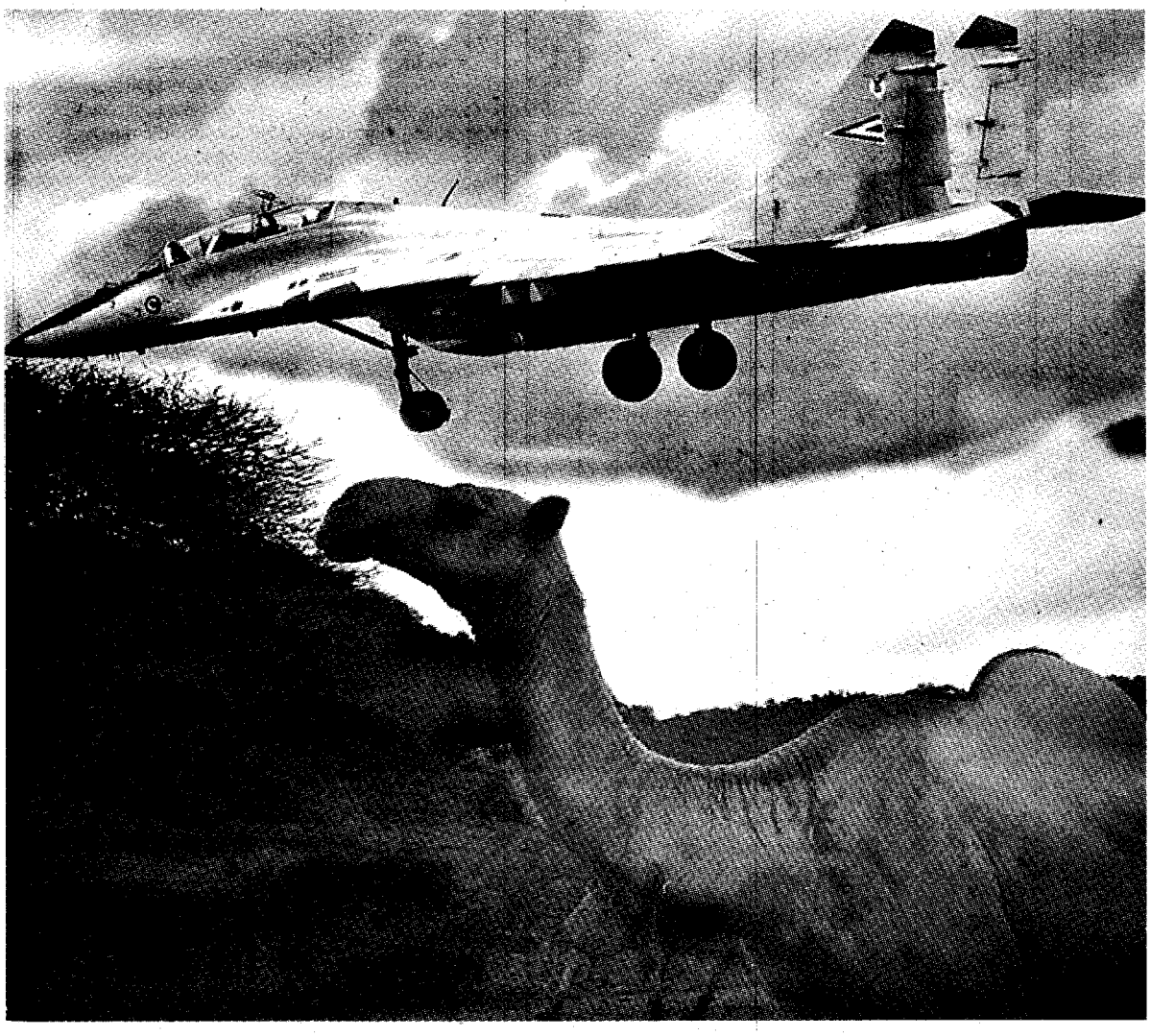
К столу скорым шагом подкатился низенький майор, бритая голова влажно блестела, как бильярдный шар. Начиналось пекло...

– Евгений Петрович, слушай внимательно, – полковник достал небольшую папку, развернул ее, – нужен скоростной МИГ. Испытания машины на севере закончены, теперь нам предстоят испытания летных качеств в условиях жаркого юга по маршруту: Кокайты–Термез–Кара-Кумы и обратно. Полет в режиме планера с превышением в скорости М-1, М-2. Летчик – капитан Кабулидзе, наш ас и в полетах, и в танцах. Асса! Готовь МИГ к 12.00.

– Есть подготовить МИГ к 12.00! – эхом отозвался Хвостов.

Руководство СССР, озабоченное происками американцев в «прощупывании» радиотехнических средств по всей границе Союза, дало указание конструкторскому бюро Микояна и Гуревича создать высотный и скоростной перехватчик. Что и было сделано в рекордно короткий срок. Испытания заканчивались, в скором времени военной промышленности предстояло перейти от опытного образца к серийному производству модифицированных МИГов...

Время близилось к полудню. Солнце прожигало дрожащее марево, висящее над барханами, рисуя, как в калейдоскопе, причудливые изображения, поразительные по красоте панорамы. И где-то там, у черты горизонта, перемещались, скользили полупрозрачные тени, создавая иллюзорные образы и эфемерные строения, чтобы через мгновение испариться, уступая место другому феномену...



Капитан Кабулидзе закрыл глаза, дав им отдохнуть, и, опустив светофильтры, поднял руку:

– К полету готов, товарищ полковник!

– Взлет разрешаю. Позывной – «Метеор». Бортовые самописцы работают в автономном режиме. Твое дело: режим полета, курс, выполнение задания. Счастливого возвращения!

Серебристый болид, распушив ярко-оранжевый павлиний хвост, кречетом взмыл в дрожащее марево неба, превращая сказочные миражи в реальную действительность. Песчаный пейзаж барханов внизу и бездна неба сверху с расплавленным золотым динаром солнечного круга. И казалось, самолет стоит на месте, а барханы сами по себе движутся, как волны корабля под властью морского бриза. Из ощущения ирреальности происходящего вернул голос в шлемофоне:

– «Метеор!» Как проходит полет?

– Полет проходит нормально, приступил к завершению задания – испытанию двигателя в аварийном режиме.

– Вас понял, – голос руководителя полета был сух и деловит.

Внизу проплыли глинобитные стены древней крепости Термеза, чьи дувалы напоминали сказочный город давно минувших дней, чтоб через мгновенье смениться такыром – высохшей до каменной твердости поверхности соляной дорожки барханной пустыни. Под светом дневного светила она искрилась миниатюрными ослепительными зеркалами. Вот эта дорожка и спасла ему жизнь в песчаном «бездорожье». Время спрессовалось в эти секунды-мгновения. Сильнейший удар в районе воздухозаборника – и крылатая машина клюнула носом. Звенящий гул турбины сменился свистом вспарываемого воздуха, переходящего в тишину. «Катапультироваться? Нет, нет! Машина должна жить!» – билась мысль подстреленной птицей. Ручку управления постепенно от себя, нацеливая истребитель на узкую дорожку такыра: справа, слева – верблюжьи барханы пустыни. Они все ближе, ближе. Удар о поверхность отозвался гулом во всем теле. Справа раздался скрежет шасси, самолет стало заносить вправо, но бархан был уже позади. Облако белесой пыли взметнулось, накрыв место приземления. Спасло от взрыва то, что горючее было на исходе, самолет завалился на правую сторону, стойка шасси была надломлена. Связь с базой оборвалась в момент приземления, но маячок мерцал своим зеленым глазом, оповещая КП о своем местонахождении.

– Будем жить! – весенней ласточкой мелькнула спасительная мысль. Нестерпимо хотелось пить, шоколад НЗ вызывал тошноту. На десятки верст – пустыня. Кабулидзе снял шлем, куском парашюта закутал голову и направился в сторону предполагаемого жилья. Песчаное море, такой же небесный простор, видимость – миллион на миллион. Волны песчаного моря... Они мягко поднимают невесомое тело, как в затяжном пике, оно парило птицей, летело туда, где слышалось журчание воды... Вода! Она лилась сверху... Он открыл глаза и увидел старика в стеганом халате и папахе-тельпеке. Живительная влага лилась из бурдюка. Лицо старика – печеное яблоко в оазисе седой бороды, он с интересом рассматривал летчика:

– Твой конь лежит за барханом?

– Мой! – разлепил уста летчик.

– А мой конь со мной, – старик участливо похлопал своего верблюда, равнодушно жующего жвачку, – колхозный чабан Махрабек. Садись, отвезу тебя к людям, где кислое молоко, брынза, тас-кебаб, шашлык...

– Рахмат, рахмат, якши, – прервал его Кабулидзе, – за мной скоро прилетят.

– Аллах велик и милосерден, – вздохнул чабан.

– Я пойду, вот тебе фляга с водой и сухая брынза. Идешь в пустыню – бери запас на неделю...

Кабулидзе долго смотрел ему вслед, пока чабан не скрылся за барханами. Водой из фляжки он смочил свой импровизированный чурбан – дышать стало легче. Воздух пустыни по-прежнему сух и накален песчаной поверхностью, но обитатели земного мира уже в предчувствии прохлады покинули укромные места. Песчаная эфа стремительно прочертила извилистый путь вблизи от сидящего человека: кто посмел вторгнуться в ее владения? Заходящее солнце, погрузившись в нирвану, бросало миру прощальные краски, рисуя натюрморт в огненных тонах. Вечерело... Звезды готовились зажечь небесные лампады, давая команду земной прохладе занять свои пенаты, иссушенные зноем. Ветер-акын приветствовал появление феи-тишины, но три винтокрылых стрекозы вспугнули ее появление. Они плавно опустились возле серебристого мотылька, припавшего на правое крыло...

Комиссия установила: птица попала в район воздухозаборника самолета, что привело к остановке турбины двигателя. Опытный образец был спасен и после серийного производства блестяще проявил себя в арабо-израильском конфликте. Появившись в небе Тель-Авива, эти самолеты устроили переполох в генштабе Израиля. СССР тогда принял сторону Египта. Американские «Фантомы» не смогли достигнуть скорости и потолка МИГов. Им оставалось только плыть в фарватере инверсионного следа, не более. МИГи и в пустыне Негев смогли сфотографировать сверхсекретный атомный центр, вызвав недовольство израильского руководства...

Так было. Мощь Страны Советов демонстрировала всему миру незыблемость своих границ – земных и воздушных.